

**Запись школы общины с Хулианом Карроном
Милан, 17 февраля 2016 г.**

Текст: Л. Джуссани. Зачем Церковь. М.: Христианская Россия, 2004. С. 81–99.

- *Non son sincera*
- *My Father sings to me*

Слава...

В прошлый раз мы договорились работать над первой частью второй главы книги «Зачем Церковь», где рассматриваются основополагающие факторы явления, называемого Церковью. Так уж сложилось, что эта работа совпала с непростым моментом, с непростыми событиями, которые происходят между нами и от которых Господь не избавляет нас. Мы можем видеть в них лишь хаос или же уловить в них возможность повзрослеть. Каким образом? Именно это нам и нужно понять, поскольку ничто не случается само собой. Полагаю, что в иных условиях мы могли бы ограничиться комментариями по поводу содержания главы, ничему особо не удивившись. Но так не получится! Не может так быть, учитывая сложившуюся ситуацию. Вот почему стоит постараться переживать данные нам обстоятельства как шанс помочь друг другу понять то, что нам казалось уж хорошо известным, то есть природу Церкви. Первый пункт, на котором отец Джуссани заостряет наше внимание, касается того факта, что любой наблюдатель, попавший в Иерусалим и увидевший зарождавшееся ядро Церкви, встретился бы с социологически определяемой общинной реальностью. «Христианское событие является в истории, Церковь предстает перед наблюдателем прежде всего как *община*» (С. 81). Вот еще один хорошо знакомый нам образ: «Все единодушно пребывали в притворе Соломоновом» (*Деян.* 5, 12). Отец Джуссани поясняет: паломник, пришедший в Иерусалим на Пасху или другой важный праздник и в течение нескольких дней посещавший храм, каждый раз натыкался бы на небольшую группу людей. Что он должен был бы подумать? «В первый день он, возможно, пройдет своей дорогой, не любопытствуя, на другой день тоже, но в определенный момент он спросит у кого-нибудь: “А кто эти люди, которых я всегда вижу здесь вместе?” И ему ответят: “Они последователи Иисуса из Назарета”» (С. 82). Именно это мы и должны проверить. Попробуйте представить себе такого современного пилигрима, который на днях приехал в Италию бог знает откуда и столкнулся с нашей социологически определяемой общиной на страницах газет, на разных сайтах, в блогах, в соцсетях, в наших группах Братства, через дружеские связи. И вот он, подобно паломникам древности, смотрит на нас и спрашивает: «Что это за люди – “Общение и освобождение”? Кто они такие?» Наблюдая за тем, как мы действуем, прислушиваясь к нашим разговорам – друг о друге, или друг с другом, или друг против друга (всякое ведь случается), что бы он понял про нас? Чем мы более всего дорожим? Вопрос касается каждого из нас, поскольку все мы принадлежим этой социологически определяемой общине, все мы хорошо видим, как живем. Так что же ответил бы наш пилигрим? Был бы его ответ похож на тот, что дает отец Джуссани в тексте школы общины? Видите, почему так важно не просто комментировать прочитанное, а использовать его как критерий суждения, как материал для сопоставления? Чему мы научились в отношении Церкви или, лучше, какое сознание приобрели в отношении Церкви и нас самих? Первая община осознала, что избрана Богом. Было ли это главным и для нас на протяжении последних недель? Какое сознание уловил бы в нас пилигрим? Я не предлагаю вам выяснить, были ли мы на высоте, не это сейчас важно. Важно, каким типом сознания мы обладаем. Несложно сказать: «Я прекрасно знаю, что нас избрал Бог», – но ведем ли мы себя в соответствии с подобным заявлением? Как видите, чтобы такое сознание преобладало в нас,

недостаточно иметь в руках текст школы общины, правдиво описывающий здравые взгляды отца Джуссани. «Первое ядро Церкви свидетельствовало, что оно “не просто следовало делу Христа, а продолжало Его Самого, несравненно более реальным образом, нежели любая человеческая организация является продолжением своего основателя”» (Ср. С. 81). Что происходит, если Христос, положив начало Церкви, не продолжает присутствовать через нас в настоящем? Кто мы тогда такие? Как мы тогда живем? И что происходит, когда Он, напротив, присутствует?

Я побывал в Африке, чтобы прочитать духовные упражнения для членов Братства св. Иосифа. Там живет одна наша подруга: когда десять лет назад она рассказала родным о призвании к целомудрию, ее семья заявила, что для них она умерла. Умерла в буквальном смысле: ее мать и сестра оформили официальное свидетельство о смерти, которое продемонстрировали ей со словами: «Ты мертва для нас, тебя больше нет – нет для нас, нет для племени, нет для нашей деревни». Уж не знаю, как (видимо, в Африке такое возможное), на протяжении десяти лет наша подруга жила без документов и без родных. Спустя десять лет, то есть сейчас, все ее братья женились и ушли, оставив мать в одиночестве. И та подумала, что, чем уж быть одной, не лучше ли «воскресить» дочь... Мы подшучивали над нашей подругой, говоря, что со времен Лазаря воскресло довольно мало людей... Она же сказала нечто поразительное: для нее «воскрешение» стало как бы моментом славы. Все ее родственники, все ее братья пришли к ней домой и сказали: «Мы не очень-то понимаем, что случилось, ведь для нас ты была мертва, ты ушла из семьи, тебя больше не было. Но ты все-таки продолжала жить, и жила хорошо. Ты победила, так как тебе удалось выстоять несмотря ни на что. Значит, в тебе есть сила, которую мы не в состоянии объяснить. Наверное, ты ведьма». В течение нескольких недель они наблюдали за ней, шпионили в надежде разобраться, чем она занимается и какая странная магия помогает ей быть такой сильной. Она рассказывала все это, а я смотрел на нее, и меня переполняла взволнованность, а в голове мелькала мысль: «Подумать только, я говорю по-итальянски, ты – по-французски, и нам для общения требуется переводчик, мы так далеки друг от друга, между нами культурные различия и огромное расстояние, и все же мы с тобой одно, я тебе ближе, чем вся твоя семья и все твои традиции! Тут мне вспомнились слова из текста школы общины, которые говорят о преодолении любых дистанций, о том, что народ Божий родился от осознания своей избранности, от осознания произошедшего с ним события. На упражнениях я сказал об этом: мы одно, потому что в нас живо определенное сознание, и я понимаю тебя лучше твоей мамы или твоей сестры, и мы вместе. Потом я вернулся в Италию и пошел на школу общины, где поднимались все вопросы последних недель: правильно или неправильно было ехать на «День семьи» в Рим (он уже состоялся), поехал я или не поехал, почему... У меня перед глазами стояла наша подруга из Африки и все пережитое там, и я сказал: «Я могу сколько угодно обсуждать «День семьи» и любые другие темы, но если прежде мы не признаем, что собраны вместе Кем-то, вошедшим в нашу жизнь... Мы, возможно, даже придем в конце концов к соглашению, но то, что нас объединяет, предшествует этому, оно уже пришло, уже произошло. Давайте будем просить о том, чтобы признать Его, и тогда мы будем свободны и сможем иметь разные мнения и обсуждать, в какой ситуации находимся. И при этом мы будем в любом случае радоваться тому факту, что Кто-то собрал нас вместе. В противном случае можно попытаться прийти к соглашению, к единому мнению, но я буду от вас дальше, чем от моей африканской подруги».

Вот в чем весь вопрос: господствует ли в нас то, что всему предшествует, преобладает ли в нас сознание о принадлежности Христу, избравшему нас? Если да, то мы можем, как ты говоришь, и действовать – каждый в соответствии с теми сроками, которые ему нужны, чтобы увидеть и понять. Но действительно ли в нас это преобладает? В наших спорах нам часто кажется, что основополагающая проблема заключается в противопоставлении личного и публичного свидетельства, однако это не так. По-моему, таким образом мы просто ищем оправдание, чтобы избежать необходимости отвечать на настоящий вопрос. А настоящий вопрос состоит в том, *что* определяет свидетельство, то есть каково содержание нашего самосознания. Достаточно ли в нашем свидетельстве силы, чтобы победить общество и твою собственную семью, которая официально объявляет тебя мертвой? Если событие Христа не происходит с такой очевидностью, с какой оно происходило в той женщине, позволяя ей оставаться в выигрыше, даже когда в некотором смысле она проигрывала (потому что присутствие Христа воскресшего одерживает верх над любым обстоятельством), – если оно не происходит, то как тогда мы сможем жить верой и как вера сможет определять нас? Если наше самосознание не заключается в этом, то мы, по отдельности и вместе, ничем не отличаемся от всех остальных. Мне хотелось бы обратиться к размышлениям отца Джуссани о попытках Движения ответить на вызов 1968 года на встрече во дворце спорта «Палалидо»: «Успех встречи в “Палалидо” парадоксальным образом лег в основу некоторой двусмысленности <...> были предприняты усилия, чтобы утвердить особенность христианского факта, но лишь в рамках горизонта, уже намеченного другими». (L. Giussani. *Il movimento di Comunione e Liberazione (1954–1986)*. Milano: Bur, 2014. P. 169). Преодолеть подобную двусмысленность сложно, поскольку, как отец Джуссани неоднократно говорил нам, «начиная с семидесятого года [не знаю, удалось ли нам сегодня разрешить эту проблему!] Движение словно работало, создало и боролось ради ценностей, которые принес Христос, тогда как факт Христа для нас, для наших людей и для всех, кто вместе с нами образовал “Общение и освобождение”, оставался в параллельной плоскости» (L. Giussani. *Uomini senza patria (1982–1983)*. Milano: Bur, 2008. P. 56). Он не противопоставлял «я», занятое своей личной жизнью, и некое видимое «мы»: нас всем было хорошо видно, и отец Джуссани тем не менее поправлял нас относительно содержания нашего самосознания и нашего свидетельства. Вот почему глава книги «Зачем Церковь», которую мы читаем, именно сейчас может помочь нам вернуться к сознанию, которое недостаточно живо в нас, потому что не преобладает на фоне всего того беспорядка, что мы наблюдаем. Когда же человек сталкивается с реальностью, свидетельствующей о присутствии Христа, пусть даже самой незначительной, обязательно что-то происходит.

Не так давно я познакомилась с одним парнем, он гомосексуалист и живет с молодым человеком. Однажды он сделал мне следующее предложение: «Если ты не выйдешь в скором времени замуж, давай сделаем ребенка, и ты оставишь его мне и моему партнеру». Я рот открыла от удивления и только и смогла сказать: «Ребенка я сделаю с мужем, и уж точно не для того, чтобы его продать. Представь себя на месте этого ребенка. Тебе хотелось бы, чтобы тебя произвели на свет, а потом отдали?!» Он молчал. Потом, чуть позже в тот же день, я задумалась над случившимся и расплакалась, потому что со мной никогда так не обращались. Спустя какое-то время мы вновь встретились, и я сказала ему, что он сделал мне очень больно и что нельзя поступать с людьми таким образом. Молодой человек попытался перевести все в шутку. Мы попрощались, и мне захотелось поделиться произошедшим с подругами. В разговоре с ними я заметила, что мне по-прежнему грустно, последний диалог с моим знакомым оказался недостаточным, чего-то все еще не хватало,

я словно не могла надыхаться. Потом я прочитала текст школы общины и твою статью в газете «Corriere della Sera» и наконец-то почувствовала себя свободной. Вдруг стало ясно, что даже близкие отношения с человеком не должны скатываться в фамильярность, то есть неправда, что в один прекрасный момент человек может ощутить некоторую свободу и попросить об определенных вещах, это не так. А еще я поняла, что я точно такая же, ничем не отличаюсь от него и порой ничуть не лучше отношусь к вещам и людям. Но меня всегда спасали встречи с людьми, которые смотрели на меня, и видели во мне бесконечность, и принимали меня со всеми моими недостатками, более того, они любили мою жизнь во всей ее нужде, которую никогда не пытались устранить. Таким было для меня объятие моих родителей, такой была дружба с людьми из Движения. Только событие иной человечности, соответствующей сердцу, спасало меня от моей ничтожности (прямо как у того парня), вновь и вновь даруя мне новый взгляд на саму себя, настоящий, истинный взгляд. Проблема также не сводится и к разумности, в силу которой я лучше моего знакомого разбираюсь в том, как, с антропологической точки зрения, следует обращаться с людьми. Проблема в опыте, который был пережит и о котором было вынесено суждение, который тесно связан с лицами, встреченными когда-то и пленившими меня, вернувшими меня самой себе и позволившими ощутить мою избранность, оказанное мне предпочтение. Тут открывается и ценность реальности как некоей данности, помогающей совершать путь к моей судьбе, и ценность Церкви как общины людей, собранной воедино Другим, творящим все, создающим нас день за днем, неустанно дарующим нас самим себе. Если бы все зависело только от нас, от наших умений и способностей, мы всякий раз ошибались бы и разочаровывались, умаляя истинное значение друг друга. Я же сегодня свободнее, чем раньше, поскольку мне больше не нужно защищать какую-либо идеологию или антропологию. Единственное, что я должна отстаивать (и это вопрос жизни и смерти) – возможность смотреть на реальность так, как смотрит на нее Христос. Я благодарна за знакомство с тем молодым человеком, который позволил мне понять это. Нам еще предстоит многое с ним пережить и открыть.

Спасибо. Ты, наверное, не читала то, что писал отец Джуссани уже в 1968 году. Для него тоже стал своеобразным знаком времени тот факт, что речь уже не шла об антропологии или о традиции, формирующих христианина: «Причиной присоединения к христианству не может являться ни традиция, ни теория, ни определенные воззрения <...> ни христианская философия, ни христианское богословие, ни свойственное христианству мировосприятие». Более того, за Христом следовали «не из-за речей, которые Он вел, не из-за разъяснений, которые давал, не из-за отсылок к Ветхому Завету, <...> а только потому, что Он был присутствием, заключавшим в себе послание», способное изменить жизнь. Вот почему отец Джуссани утверждал, что нам «придется в корне пересмотреть все, о чем мы говорим» (A. Savorana. *Vita di don Giussani*. Milano: Bur, 2014. P. 404), а иначе нам не удастся найти достойную причину, чтобы жить верой. Удивительно в свете твоего выступления перечитывать текст, выбранный для сегодняшней нашей встречи: «Та зарождавшаяся группа людей складывалась на переживании живого присутствия Христа, она почти физиологически продолжала Его бытие, скреплялась этим живым присутствием в конкретности тесной и повседневной близости; та зарождавшаяся группа сознавала, что продолжает и, более того, передавала, осуществляя [вдумайтесь, какое точное выражение использует Джуссани!], истину [всей ветхозаветной истории Израиля]» (ср. *Зачем Церковь*. С. 85). Понимаете? Христианство можно передавать, если им жить. Это событие, а событие передается окружающим, когда происходит. Люди, которых ты встретила в жизни, помогли тебе не стать

жертвой жестокого обращения со стороны твоего знакомого, – люди, а не твоя, как ты правильно заметила, разумность. Нет! «Только событие иной человечности, соответствующей сердцу, спасало меня от моей ничтожности», – сказала ты и добавила, что благодарна. Именно так мы и осознаем, что в действительности с нами случилось.

Ситуация с «Днем семьи» задала мне серьезную встряску, но вызов в конце концов оказался полезным. Я не поехала в Рим, потому что должна была присматривать за внуками, но мое сердце целиком и полностью было на площади. В конце предыдущей школы общины я сказала сама себе: послушание становится работой. Мне была непонятна твоя позиция, и я пообещала себе, что буду просить Господа прояснить для меня суждение. Так и вышло. Несколько дней назад мы устроили ужин для тех, кто участвует в каритативе, – мы периодически собираемся вот так, чтобы вместе дойти до смысла того, что делаем. Несколько наших подруг сделали поразительные свидетельства, благодаря которым я увидела милосердную любовь в действии и поняла, что самое важное – человеческое сердце, преображенное компанией Христа и потому способное на бесконечную любовь и на милосердие (а не на одну только щедрость). Быть с Ним – вот единственный способ изменить общество. Я увидела в действии полноту харизмы Движения, которая когда-то меня привлекла и продолжает привлекать. Передо мной словно распахнулся новый горизонт. Мои маленькие мысли, неподкрепленные взглядом на реальность, стоили мне немало сил. Правда, что лишь в осязаемом опыте истина становится плотью, освобождает меня и приносит в жизнь радость. Я очень благодарна тебе за твое настойчивое свидетельство о любви к Иисусу и за верность харизме отца Джуссани. Прошу тебя, не сдавайся. Мы нуждаемся – я нуждаюсь – в тебе.

Содержание самосознания рождается из опыта. Что явилось определяющим в нашей жизни в эти последние недели? Наши планы и стратегии или же наше самосознание? Давайте попробуем сравнить – не с целью укорить себя, а чтобы вынести урок из случившегося – то, что мы пережили (в отношении с другими людьми или между нами), и то, о чем говорится в тексте школы общины: «Павел, обращаясь к христианам-галатам, пишет так: “Ибо все вы – сыны Божии по вере в Иисуса Христа; все вы, во Христа крестившиеся, во Христа облеклись. Нет уже иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе”» (С. 87). Мы можем до боли в горле говорить о некоем «мы», об общине, но если не они не остаются на первом плане в сложных обстоятельствах... Великие разделения, сложившиеся в ходе истории (на иудеев и греков, рабов и свободных, мужчин и женщин) не мешают Павлу жить сознанием о том, что мы «одно во Христе Иисусе». И тут возникает вопрос: на чем зиждется наше единство? На том, что мы соглашаемся друг с другом? Или все-таки его основание – тот факт, что мы силою Крещения «одно во Христе Иисусе»? В этом-то и заключается грандиозный культурный переворот. Если такое самосознание не господствует в нас, тогда не вера нас определяет, а этнический фактор. Послушайте, что написал мне один из вас: «Дорогой отец Хулиан! Вот уже какое-то время я не состою в стабильной группе школы общины. Мне казалось, что те, с кем я встречался раньше, работали только на уровне теории и увлекались “разговорами”. В общем, для меня это была потеря времени. Поэтому теперь я провожу школу общины с друзьями, которые больше мне помогают. Однако собираться с ними регулярно довольно сложно, и потому наша работа не систематична. Недавно произошло что-то, заставившее нас пересмотреть положение вещей. Вместе с друзьями из Движения я вовлекся в организацию очень важного для меня публичного мероприятия. Меня пригласили участвовать во встречах ответственных, чтобы быть в курсе подготовки. Я остался под сильным впечатлением! Большая часть времени на

этих встречах уходила не на организацию, а на рассказы о том, где и как каждый из нас признал присутствие Христа – в собственной жизни и в жизни других людей. Иными словами, центральным моментом была взаимная помощь в переживании отношения с Ним, а не организация! Увы, даже между нами редко когда отношение со Христом становится главной темой наших встреч. Но для тех людей именно так и было. И я сказал себе: “Так значит, все еще возможно говорить об Иисусе так же, как, например, о картошке, которую ешь на ужин!” В общем, мне захотелось следовать за ними. В книге “Зачем Церковь” я прочитал, что для первых христиан Божье предпочтение полностью лишилось этнического характера и что их единство зависело исключительно от Бога, собравшего их вместе в силу их веры во Христа. Далее указывается на конкретную культурную ценность этого первого фактора: в иудео-семитской традиции истина гораздо чаще предстает в образе скалы (то есть открывается в надежности и незыблемости свидетеля), нежели в образе света (очевидности, доступной моим глазам). Я много раз перечитал эти строки и, скажу начистоту, они казались мне неким философским рассуждением, мало касающимся реальности моей жизни. Однако в последний раз я посмотрел на текст через призму приобретенного опыта, и он зазвучал для меня иначе [именно опыт оживляет слово!]. Я осознал, то решение не участвовать больше в официальной группе школы общины (и многие другие решения) было обусловлено тем, как я привык видеть и слышать, и эта моя привычка всегда оставалась последним словом обо всем. Со временем, сам того не замечая, я все меньше вовлекался в отношения с друзьями, свидетельствовавшими мне о Христе, и предпочитая им то, что мне самому удавалось увидеть или пережить. Думаю, это отчетливо проявилось в связи с законопроектом Чиринна и “Днем семьи”. “Тут нет иррационализма, ведь встреча с человеком, в котором подтверждается то, что он говорит, не исключает критического подхода, просто он присутствует во всем жизненном контекст, из которого его нельзя вырывать и в котором он поэтому обретает подлинность своего развития. <...> Методологическое указание, определенно просматривающееся в метафоре скалы как образа истины, – это надежность свидетеля. <...> Подчеркнем, что эти два метода не противоречат друг другу, просто один полнее другого” (С. 91–92). В свете процитированных слов и описанного опыта проблема, как мне кажется, выходит далеко за рамки выбора той или иной группы школы общины. Речь идет об истине моих отношений со Христом. И знаешь, что прекрасней всего? Хоть я и оступился, Ему это ничуть не помешало быть рядом. Так, через дело, за которое я брался с совершенно иными намерениями (то есть с целью организовать публичное мероприятие), Он поправлял меня, позволяя вновь и вновь сталкиваться с Его притягательным присутствием». Мы сегодня напоминаем кочевников в хаотичном, суматошном Вавилоне, где нет ничего устойчивого, где общество «жидко», и мы тоже ему принадлежим. В метафоре скалы есть для нас нечто твердое, на что можно опереться в поиске истины: «Соглашаясь с тем, кого он слушает, человек должен *всей* своей личностью положиться на “ты” другого. И тогда как естественно сомневаться в себе самом, гораздо труднее бросать тень собственных “если” и “но” на человека уважаемого и любимого» (С. 91). Вот почему Тайна предлагает нам следовать за свидетелем, чтобы достичь истины. Однако часто у нас возникают подозрения относительно его надежности. Как можно проверить надежность свидетеля? Именно с такой проблемой постоянно сталкивался уже народ Израиля перед лицом пророков, среди которых были пророки настоящие и лжепророки. Ничего не изменилось и сегодня, ведь ничто так не походит на истину, как то, что представляется как истина, даже не будучи таковой. Так как же убедиться в том, что свидетель – действительно свидетель?

У меня большой стаж в Движении – я принадлежу ему более тридцати пяти лет, начиная с университетской поры. На этом долгом пути (и Джуссани вначале, и ты сейчас свидетельствуете, что это именно путь) мне довелось пережить множество моментов

радости и ликования в Его компании. В последнее время на мою долю выпали некоторые особо трудные обстоятельства, которыми реальность приперла меня к стенке, так что порой даже вздохнуть сложно. Я познал мрак ночи, жизнь без надежды, то есть небытие. Однако, сопровождаемый вереницей пережитых ранее моментов истины, я даже в темной ночи продолжал просить Его о том, чтобы ничто не затмило Его взгляда, не лишило меня Его присутствия. Я с воплем молил Его явить Себя, потому что не видел Его. В действительности же отсутствовал я сам. Так постепенно я оказался в одиночестве, любое предложение Движения превращалось лишь в дело, которое необходимо было сделать, и порой дела эти становились тяжким грузом. Как говорится в тексте школе общины, я опирался лишь на самого себя и пытался укрыться от того, что реальность просила от меня, поскольку обстоятельства казались мне незаслуженными и полными страданий. В то же время я все больше утверждался в мысли, что община должна была взять на себя мое бремя. После дня начала года я вернулся к работе над школой общины и решил принять твой вызов – проверить содержание текстов в реальности. И случилось чудо! Обстоятельства перестали быть враждебными, благодаря им Он делал меня Своим. Сложностей прибавилось, но они больше не являлись помехой. Я начал жить обстоятельствами, от которых раньше спасался бегством, и ощущал себя невероятно свободным и умиротворенным. Я полон благодарности и уверен, что был окружен любовью, избран, несмотря на все мои недостатки, на всю мою хрупкость. Я словно родился заново и смог, наконец, обнять и полюбить мой крест.

Так что тебе позволило убедиться в надежности свидетеля?

Истина Его присутствия.

А благодаря чему ты понимаешь, что это именно Его присутствие? Благодаря исполнению обещанного свидетелем. Так было и с пророками: их истинность выявлялась, когда осуществлялось предсказанное ими. Ты вернулся на путь следования, приняв мой вызов. И что тебе открылось? Проверка слов в реальной жизни привела к чуду, подтвердила истину сделанного тебе предложения. Не совершая такой проверки, мы никогда не сможем судить о надежности или ненадежности свидетеля. Так как же в ней убедиться? Как, положившись на свидетельство другого, вновь обрести давно утраченную очевидность? Нужно увидеть, что обстоятельства перестают быть враждебными и через них Он делает тебя Своим. Сложности не являются помехой, и их можно переживать в невероятной свободе и умиротворении.

Да.

Надежность проверяется именно так. Я не должен тебя убеждать в том, какой я замечательный свидетель. Если я и правда свидетель, ты это и сам поймешь, когда примешь мое предложение и со всей ясностью увидишь, что произойдет в твоей жизни. О том же говорит и Иисус: «Кто следует за Мной, получит во сто крат». Есть только одно условие – следовать за Ним. Как когда-то необходимо было следовать за пророками. Нет иного пути. Каждый из нас мог проверить это, поехав или не поехав на «День семьи»: «Я внимательно следил за обсуждением законопроекта Чиринна, читал и сравнивал различные мнения, рассматривал их в свете моего собственного жизненного опыта. Вот уже много лет меня крайне интересуют гендерный вопрос и проблематика гомосексуальных союзов, прав и т.д. По моему скромному мнению, признание на законодательном уровне гомосексуальных браков не менее страшно, чем разрешение абортов. Твоя статья в газете «Corriere della Sera» ясно давала понять, что необходимо прийти

до первопричины, двигающей нами. Мы провели в моем регионе встречу, в ходе которой определились две позиции: “нужно этому противостоять” и “действительно меняет что-то только встреча”. А я сказал: “Нет, по-моему, Хулиан хочет, чтобы мы поняли, в чем заключается наша настоящая потребность и как можно ответить на нее и на то, что нас тревожит в этом законопроекте”. Я поехал на “День семьи”. В автобусе по дороге в Рим мы рассказывали друг другу о нашем опыте. Потом на площади я увидел множество прекрасных, воспитаннейших людей, мне казалось, что большинство из них были как я. Мгновение за мгновением я сравнивал свои ощущения с содержанием твоей статьи, и мне стало ясно, насколько оно было правдиво: лишь встреча с человеком, несущим Христа в сердце, то есть вновь рожденным Им, воскресенным Им, способна сдвинуть другого человека с его позиции в полном к нему уважении, то есть в уважении к его свободе». Недостаточно твердить об истине, недостаточно о ней кричать, поскольку, как говорил отец Джуссани, «Господь <...> избрал орудием укрепления связи между человеком и истиной <...> не формулу видения, а формулу самоотдачи [кажущуюся иррациональной], любви <...> [кажущейся чересчур наивной], того процесса, в котором человек следует за свидетелем истины» (С. 92). Бог заложил это в самую природу: ребенок взрослеет благодаря свидетельству отца и матери. Все так просто! Но мы противимся этой простоте, этому методу, избранному Богом, потому что он представляется нам недостаточно критическим. Тут отец Джуссани поясняет: «Встреча с человеком, в котором подтверждается то, что он говорит, не исключает критического подхода, просто он присутствует во всем жизненном контексте, из которого его нельзя вырывать и в котором он поэтому обретает подлинность своего развития» (С. 91). Только так и можно открыть истину, и если мы этого не осознаем, то в конце концов станем искать опору в чем-то несравненно менее состоятельном, и каждый из нас убедится, что, не следуя за поразившей нас христианской встречей, через которую Тайна нас достигла, мы не в состоянии противиться мирской логике. «Зачастую христиане очень далеки от осознания этого истинного источника их ценности. <...> мы нередко сталкиваемся либо с теми, кто ищет ясности, надежности, мотивации действия, умаляя общину, движение или ассоциацию [беря от них только то, что их устраивает] и тем самым лишая себя единого источника, который их питает, то есть тайны Церкви как таковой; либо с теми, кто, говоря о Церкви, понимает ее как некий механический суперорганизм, не имеющий ничего общего с живой реальностью» (С. 99). Отец Джуссани предлагает нам путь: «Способ узнать, что такое Церковь в своей целокупности – это дойти до основания того церковного опыта, с которым ты сталкиваешься, если только он обладает чертами истинной церковности. Поэтому повиновение целокупной Церкви, зависимость от нее, соотнесенность с ней, взаимное признание других факторов, существующих внутри круга церковной жизни, – вот моменты, определяющие ценность объединения. Иначе целью, ради которой мы придаем ценность нашему объединению, будет не тайна Иисуса Христа, передающаяся истории и миру, а нечто сужающее ее значение». Вот что действительно важно: стоит ли в центре наших собраний тайна Христа, или, иными словами, в чем наша надежда (в том числе и когда речь заходит о семье)? Вышесказанное не означает, что нужно игнорировать конкретную реальность. Наоборот, именно глядя на нее, мы кричим всему миру о том, что надеемся на Христа воскресшего! И наш крик передается в любой среде «с помощью группы христиан, сознающих свою подлинную принадлежность к той же самой Церкви» (С. 99). Отталкиваясь от этого мы однажды сможем понять мельчайшие подробности всего того, о чем так много говорилось в последние недели. Нужно набраться терпения и запастись временем, не замыкаться и не возводить стен, слушать друг друга, следовать за тем, что нам предлагается. Тогда, быть может, мы начнем лучше понимать, и все переживаемые нами события станут ступеньками для нашего роста и взросления. В качестве помощи предлагаю вам читать вторую главу книги «Безоружная красота», в которой я попытался объяснить, что мы живем в контексте изменения ментальности

и с трудом это осознаем. Я уже упоминал о том, как в 1968 году Джуссани почти сразу уловил в событиях того времени нечто совершенно новое и был готов пересмотреть весь проделанный до тех пор путь. Нам все еще нелегко понять, что же случилось в шестьдесят восьмом году, что уж и говорить о сегодняшнем дне, когда все вокруг идет прахом и на наших глазах происходят эпохальные перевероты, которые еще совсем недавно никто бы и вообразить не мог! Вот почему нам так сложно находиться в плюралистическом мире, где, как говорит папа, не только мы, христиане, предлагаем некую культуру или видение реальности – мы лишь одни из многих. Истину нельзя насаждать, ее необходимо предлагать по мере убедительного пути, о котором говорил Бенедикт XVI, то есть по мере пребывания в реальности, не противоречащего свободе. Сегодня вечером я лишь коснусь нескольких примеров, а затем мы подготовим более полный текст, который будет опубликован в «Трачче». Первый пример касается итальянского референдума о разводе. Джуссани имел четкое суждение о полезности такого инструмента, как референдум, в деле публичной защиты семьи. Движение участвовало в кампании против легализации разводов из послушания церковным властям, однако «со своей стороны <...> “Общение и освобождение” не могло в полной мере согласиться с полезностью такой инициативы в подобных обстоятельствах» (L. Giussani. *Il movimento di Comunione e Liberazione (1954–1986)*. Op. cit. P. 171). Вполне нормально полагать, что определенные инициативы не принесут пользы в определенной ситуации. Это не делает Джуссани релятивистом или сторонником лаицизма, ставящим под сомнение важность публичной защиты брака и уж тем более доктрины Церкви, касающейся данного вопроса. Он вынес историческое суждение. Сейчас епископы предоставляют нам возможность действовать как мирянам. Достаточно ли у нас свободы, чтобы принимать решения с точки зрения мирян? Джуссани высказывался против референдума не потому, что был релятивистом, просто он раньше остальных понял, к чему все шло. Он утверждал: «В обществе, подобном нашему, что-либо новое можно сотворить только с помощью жизни: никакие структуры, организации или инициативы для этого не годятся. Лишь жизнь, иная и новая, способна в корне изменить структуры, отношения, в общем, все» (Movimento, “regola” di libertà / A cura di O. Grassi // *Litterae communionis*—CL. Novembre. 1978. P. 44). Если обратиться к истории древней Церкви, можно вспомнить хотя бы святого Августина, понимавшего разницу между гражданскими законами (регулирувавшими сосуществование) и нравственностью. И тот факт, что гражданские законы не в полной мере отражают христианскую нравственность, не означает их несостоятельности: «Закон, чьей целью является управление совместной жизнью людей допускает безнаказанность многих вещей, которые, однако, наказываются божественным провидением. Но он [Августин] не клеймит человеческий закон за то, что тот не разрешает всех проблем» (ср. M. Borghesi. *Critica della teologia politica. Da Agostino a Peterson: la fine dell'era costantiniana*. Genova: Marietti, 2013. P. 301). Кардинал Жорж Котье, один из наиболее авторитетных ватиканских богословов, говорит: «Первые христианские законодатели <...> не стали сразу же упразднить римские законы, допускавшие те или иные практики, не соответствовавшие <...> [церковной морали, поскольку] Церковь никогда не разделяла и считала опасным заблуждение о том, будто можно в юридическом порядке полностью искоренить зло из истории» (*Ibid.* P. 302–303). В завершение отмечу еще одну вещь. В последние недели в ходе споров часто цитировали «Замечания по поводу законопроектов, направленных на признание однополых союзов», изданные Конгрегацией доктрины веры в 2003 году, в которых, в частности, утверждается следующее: «В случае перспективы юридического признания однополых союзов или же их приравнивания к браку» необходимо этому противостоять. Как видите, документ различает эти две вещи и обличает и гражданские союзы, и приравнивание их к браку. В 2007-м широко обсуждались права и обязанности постоянных сожителей, и вся итальянская Церковь тогда была против гражданских союзов. Мы добрались до 2016 года, и теперь почти все готовы согласиться на однополые гражданские

союзы, только бы их не приравнивали к браку и не позволяли партнерам усыновлять детей. В чем причина? В том, что итальянская Церковь вдруг ударилась в релятивизм? Или же в том, что законы, чтобы урегулировать сосуществование различных людей, должны обеспечить пространство и признание для тех, чьи взгляды идут в разрез с естественной или католической моралью? Это не значит, что у нас нет необходимого пространства для свидетельства о красоте семьи – такой, какой задумал ее Бог, сотворив мужчину и женщину. Поэтому, друзья мои, мы должны дать себе время, которое позволит нам осознать происходящее. А происходят эпохальные изменения, и если мы не поможем друг другу понять это, то лишь положим начало бесконечным спорам вместо того, чтобы вести диалог и пытаться найти наше место, определить нашу задачу. Что мы можем предложить, что можем переживать и сообщать нашим друзьям со своей стороны, то есть со стороны реальности, включенной в жизнь Церкви (поскольку мы и есть Церковь)? Пусть школа общины помогает нам разобраться в этом. Рекомендуем также перечитать часть лекции, прочитанной в субботу утром на упражнениях Братства 2014 года (*В стремлении достичь Его*. С. 32–55), где я уже указывал на некоторые поправки, сделанные Джуссани в адрес Движения. Мы так до сих пор его и не поняли. Также продолжается наша работа над второй главой книги «Зачем Церковь», возьмемся теперь за второй пункт.

Во время Великого поста каждый из нас должен задаться вопросом о том, почему Церковь год за годом предлагает нам переживать этот период. Он представляет собой благоприятную возможность углубить путь, который папа предложил нам проделать в Юбилейном году Милосердия. Какое изменение требуется от нас, в том числе и в отношении всего того, о чем мы говорили сегодня? В чем мы нуждаемся? Что призывает нас изменить школа общины?

Veni Sancte Spiritus